

— Цзюнь Янь — это действительно Цзюнь Янь, спору нет, но каковы его намерения — одному богу известно. Что же касается того, что он якобы не помнит некоторых вещей, то тут ещё стоит поразмыслить: в конце концов, что правда, а что ложь — кто может знать наверняка? — Ци Хуай оставался совершенно невозмутимым, на его лице не дрогнул ни один мускул.

Ци Няньлинь слегка кивнул, полностью соглашаясь с отцом, и тихо ответил:

— Отец прав.

— Кстати, что насчет его нефритовой подвески? — Ци Хуай посмотрел на Ци Няньлиня с некоторым недоумением. — Эта подвеска кажется мне странной, хотя я и не могу понять, в чем именно заключается странность.

Ци Няньлинь, казалось, о чем-то задумался, но, будучи не до конца уверенным, лишь уклончиво пробормотал:

— Я и сам не уверен... Вероятно, это действительно вещь, оставшаяся от его семьи.

Я не осмелился рассказать отцу правду. Она была слишком ужасной, такой, которую обычный человек просто не в силах принять.

Он был искренне рад, что родился не в Семье Сяо, а в клане Ци. Ему никогда не стать таким, как Сяо Юй, который готов поставить на кон свою жизнь, — сам он не решился бы на подобный риск.

— Если больше ничего нет, возвращайся к себе, — бросив на него взгляд, тихо сказал Ци Хуай. Все равно твои мысли далеки от нас, так что не стоит тратить время на пустые посиделки.

Услышав это, Ци Няньлинь покинул кабинет и направился к себе во внутренний двор.

Когда Ци Няньлинь ушел, Ци Хуай посмотрел на свою жену Сяо Вань и тихо спросил:

— Ваньвань, что ты думаешь об этом деле?

Сяо Вань, как всегда, мягко улыбнулась и ответила тихим голосом:

— Мне кажется, в словах Линя есть доля истины, но все это действительно выглядит подозрительно. На первый взгляд — никаких изъянов, все безупречно, но разве в этом мире бывают безупречные вещи? Это дело явно не из простых, возможно...

Ци Хуай помрачнел и жестом предложил Сяо Вань продолжить:

— Говори прямо, Ваньвань.

Сяо Вань, немного поколебавшись и выбрав осторожный тон, с досадой произнесла:

— У меня даже закралось подозрение, что это лишь часть заговора, направленного против Юя.

Она посмотрела на Ци Хуая, не отводя глаз:

— Вот только является ли он пешкой или тем, кто сам ведет игру, — нам пока неизвестно.

— Я придерживаюсь того же мнения. Опасаюсь лишь, что Юй погряз в этом по уши и сам того не осознает, — Ци Хуай тяжело вздохнул. Воистину: участнику событий труднее оценить ситуацию, чем постороннему наблюдателю.

— Ладно, не бери в голову. К тому же есть Линь, так что все не так уж плохо, — Сяо Вань, видя состояние мужа, попыталась его утешить.

— Как бы то ни было, нужно послать людей разузнать все получше. Личность Цзюнь Яня подлинна — здесь обмана нет, но вот его истинные цели... в них я не уверен, — с горечью произнес Ци Хуай.

Как я могу не понимать твоих тревог? Но отношение Юя к Цзюнь Яню кажется мне слишком уж странным. И я все время чувствую, что это совсем не похоже на нормальное поведение.

Он словно мог догадаться о сути происходящего, но отчаянно не хотел, чтобы догадка стала реальностью. Его собственный сын уже прошел через многое, и он не желал той же участи для Юя.

Поскольку Сяо Юй принадлежит к правящему дому, ему и Цзюнь Яню не быть вместе. Сяо Юй — это Сяо Юй, а Нянь Линь — это Нянь Линь, они совершенно разные люди.

Тем временем.

Вернувшись в комнату, Ци Няньлинь действительно лег на кровать, но так и не смог заснуть. Он о чем-то напряженно размышлял.

Вспоминая отношение отца к себе, он снова почувствовал укол обиды.

Отец обходился с ним так же, как со своими подчиненными солдатами, и в обычные дни даже не удостоивал его добрым взглядом.

Он помнил, что с самого детства отец заставлял его спать в одиночестве. Как бы маленький Ци Няньлинь ни плакал, отец ни за что не разрешал ему спать с матерью. Больше того, отец даже не позволял матери брать его на руки.

Если бы не слова матери о том, что он — родной сын отца, он бы решил, что его подбросили в чужую семью. Порой он даже подозревал, что появился на свет от кого-то другого, а не от отца.

Слуги шептались, что отец его не любит. Но почему? Похоже, из-за матери. Она перенесла невероятные страдания, рожая его, и едва не лишилась жизни из-за тяжелых родов. Но ведь я не хотел, чтобы матери было больно!

После того случая отец не позволял матери даже на миг выпустить себя из поля зрения. Он окружил её такой нежностью — к ней он был по-настоящему добр.

Однако, помнится, был один случай...

Отец, прижимая мать к себе, обиженно жаловался:

— Душенька, я не отпущу тебя. Стоит мне разжать руки, и ты снова уйдешь к другому мужчине. Я твой супруг, ты должна быть со мной!

Мать в гневе воскликнула:

— Отпусти! Это же твой сын. Ему и трех лет нет, он боится спать один!

Отец же твердо отрезал:

— Это не мой сын, а какой-то должник, пришедший требовать свое.

Я, вцепившийся тогда в край материнского халата, слышал эти слова, и мне было так горько. В конце концов, именно отцу пришлось укладывать меня спать.

Но потом родилась сестра, и все изменилось. Отец каждый день носил сестру на руках и даже позволял ей спать с ними.

Позднее я понял, в чем дело.

Сестра была так похожа на мать — до невозможности милая. Я тоже очень любил сестру. Если бы не тот человек, я бы наверняка влюбился в девушку, столь же прелестную, как она.

В десять лет я встретил одного невероятно бестолкового человека, и с тех пор никак не мог его забыть, но он больше никогда меня не искал.

Я так завидую Цзюнь Яню, ведь Сяо Юй ищет его уже двенадцать лет. Все думают, будто Сяо Юй ищет Цзюнь Яня лишь из-за связей между Семейей Сяо и Семейей Цзюнь, но я-то знаю, что причина совсем в другом.

Сяо Юй любит Цзюнь Яня. Нет, Сяо Юй глубоко привязан к нему. Это не просто симпатия, это любовь, которую уже невозможно отпустить.

Сяо Юй искал Цзюнь Яня бесчисленное количество раз, и каждый раз — один и тот же результат.

Сяо Юй винит во всем себя, поэтому пытается забыться в вине, забывая при этом, что никогда прежде не пил.

Крепкое вино должно приносить забвение, оно и правда помогает, да только толку от этого нет.

Я думал, Сяо Юй больше не притронется к спиртному, но он все же сорвался.

Сяо Юй такой, но разве я сам не такой же?

Делали ли те, кого я люблю, что-то, что причиняло мне боль? Конечно, делали.

<http://bllate.org/book/26972/3250613>